
УДЕРЖАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Р.В. Чиркина

Факультет юридической психологии
Московский городской психолого-педагогический университет
ул. Сретенка, 29, Москва, Россия, 107045

А.А. Галушкин

Кафедра судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются социально-психологические проблемы ресоциализации и реабилитации лиц, осужденных за уголовные преступления в несовершеннолетнем возрасте. Анализируются факторы, усиливающие и снижающие дальнейшую криминализацию несовершеннолетних. Приводятся данные исследования группы условно осужденных подростков, впоследствии оказавшихся за решеткой. Анализируются различные формы социально ориентированной и психологической работы с подростками в конфликте с законом на разных этапах контакта с правоохранительной системой. Представлен опыт общественных организаций по реализации ресурсных, позитивных концепций работы с личностью в местах лишения свободы и после освобождения. На основании анализа работы российских психологов и достижений ювенальной системы Германии дается обоснование необходимости создания института сопровождения процесса постпенитенциарной адаптации лиц, осужденных к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте.

Ключевые слова: ресоциализация, реабилитация, подростки в конфликте с законом, установки, повторные преступления, рецидив, ювенальная система, тренинг, криминализация, условная мера наказания, система пробации, восстановительное правосудие, постпенитенциарное сопровождение, профилактика, ресурсные проекты.

Социальные нормы, которые усваивают дети и подростки в процессе социализации (воспитания, обучения, проживания в обществе с определенными традициями и идеалами), подвержены влиянию многих глобальных факторов и проявляются в поведении индивида на уровне реализации смысловых установок личности. Та ситуация развития, в которую включено современное поколение молодых (торжество общества потребления на фоне катастрофического имущественного расслоения), формирует у них соответствующие установки, в том числе и по отношению к закону. Известен факт, что для большинства осужденных несовершеннолетних соблюдение закона ни нормой, ни целью не является. В группе лиц, освободившихся из мест лишения свободы, доминирующей

мотивацией изменения поведения является нежелание снова попасть за решетку, а не осознанное стремление жить по закону. И эта позиция в местах лишения свободы только подкрепляется [9].

Исследования криминологов показывают, что такие эффекты лишения свободы, как длительная изоляция, отрыв от семьи, специфический режим, влияние криминогенной субкультуры усиливают первичные девиации, которые привели подростка на скамью подсудимых, довершают процесс деформации личности, что, в конечном счете, определяет дальнейшее преступное поведение человека. Этому посвящены труды Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, А.И. Долговой, В.Д. Ермакова, Г.И. Забрянского, К.Е. Игошева и др. Противостоять этим деформирующим воздействиям могли бы близкие, родные, другие значимые для молодых людей люди, транслирующие им позитивные социальные модели поведения. Но и без того нарушенные социальные связи таких подростков к моменту их выхода на свободу ослабевают еще больше, а иногда полностью разрушаются. Теория контроля, предложенная Хирши, основывается на следующем утверждении: «если социальные связи нарушены или не развиты, многие члены сообщества сделают выбор в пользу противоправных действий, имеющих для них определенную выгоду» [3. С. 55].

Еще одно звено системы, проблематизирующей процесс ресоциализации судимой молодежи, это воздействие различных мер наказания на систему установок личности судимых молодых людей.

Одним из факторов снижения преступности юристы и криминологи считают неотвратимость наказания. Добавим сюда еще и справедливость примененных санкций, и само содержательное наполнение процесса наказания. Как установлено в наших предыдущих исследованиях, и страх наказания, как ведущий фактор сдерживания криминального поведения, и «воспитательная» среда пенитенциарных учреждений в большинстве случаев побуждают не к изменению смысловых установок, а лишь к переориентации на иные способы достижения прежних асоциальных целей [9]. А ощущение безнаказанности приводит к дальнейшей криминализации поведения.

Совершив первое уголовное преступление из числа нетяжелых, подростки, как правило, получают условную меру наказания, включающую определенный перечень ограничений и предписаний на срок от нескольких месяцев до двух-трех лет. В практике уголовного суда такая мера рассматривается, как предупредительная, профилактическая, как шанс осужденного на исправление, изменение поведения.

В отличие от предыдущих десятилетий, когда уже следующее нарушение закона или даже несоблюдение предписаний условного наказания приводило к реальному заключению, в последнее время правоприменительная практика позволяет назначать условную меру неоднократно. Но кроме необходимости еженедельно отмечаться в уголовно-исполнительной инспекции не попадаться на глаза милиции и не пропускать учебу/работу ничего другого обычно подросткам не предлагают. В то время как, например, в других странах этот испыта-

тельный по сути срок наполнен работой подростка и его семьи с социальными и психологическими службами, процедурами восстановительного характера или медиацией. В Германии, например, процент дальнейшей после первой судимости криминализации составляет от 8 до 12% и приходится в основном на сообщества мигрантов [13]. В нашей стране нарушения, ведущие к замене условного наказания реальным, или повторные преступления на фоне условного наказания, по статистике МВД, совершают 35–40% условно судимых подростков.

В нашей выборке осужденных за уголовные преступления в несовершеннолетнем возрасте (выборку составили условно осужденные жители Москвы и других регионов России, воспитанники колоний Саратовской, Московской, Рязанской областей и освободившиеся из мест лишения свободы подопечные РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия, всего 245 человек) такие подростки составили группу из 113 человек (56% от числа всех, кто имел опыт лишения свободы), что заслуживает отдельного изучения с целью выявления факторов, способствующих или сопровождающих дальнейшую криминализацию условно осужденных подростков.

В данной группе испытуемых с заменой условного наказания реальным выше почти на 20%, чем во всей выборке, оказался процент преступлений корыстной направленности (95 против 76).

Именно по этим статьям наибольшее количество бывших условников были осуждены вновь.

Значительно больше здесь испытуемых с наркологическими проблемами: 36% против 26%. 80% бывших условников выросли в семьях, но 68% из них относятся к числу социально дезадаптированных (29% составляют алкоголизирующиеся семьи).

В целом эта картина характерна и для всей выборки. Отличает выделенную группу от выборки в целом и характер социальной поддержки: заметно меньше в данной группе ресурс реальной помощи (6,2 против 16,4% по выборке в целом). Вдвое меньше, чем в целом по выборке, в этой группе тех, кто имеет законченное профессиональное образование, и вчетверо — начатое высшее, тогда как доля тех, чье образование остановилось в пределах 9 классов, почти на 10% выше. Также среди бывших условников на 10% больше ребят, которые на свободе не занимались ничем, кроме гулянок с друзьями, а количество занятых каким-либо спортом почти настолько же меньше.

Следует отметить, что уже в процессе исследования 17 человек из группы условно осужденных оказались в СИЗО, перейдя таким образом в категорию «находящихся в местах лишения свободы». Эти испытуемые не выдержали условий испытательного срока по разным причинам. Все эти испытуемые потом признавались, что не имели умысла на совершение преступления, а совершили преступления или нарушили предписания суда, не подумав, или в надежде, что это не откроется и им ничего не грозит.

Специфика причин рецидива у испытуемых, не сумевших изменить свое поведение после первой условной судимости, еще ждет своего исследователя. И

есть надежда, что с укреплением службы УИИ (уголовно-исполнительных инспекций в системе УВД) специалистами-психологами и социальными работниками, а также с введением институтов ювенального суда и/или пробации у условной меры наказания будет реальный коррекционный ресурс.

По результатам настоящего исследования можно судить о том, что и условное наказание в нынешнем виде, которое многие подростки наказанием не считают, и длительное пребывание в местах лишения свободы, и «наказание» социальной депривацией после освобождения, эффективной мерой снижения преступности в молодежной среде не являются. Российской правоприменительной практике с ее рамочным форматом наказания (либо условная мера, либо лишение свободы) явно не достает системного содержательного наполнения, направленного именно на смену криминальных установок личности судимых молодых людей посредством организации специальной личностно-центрированной и социально ориентированной деятельности для них на разных этапах контакта с правоохранительной системой.

По отношению к подросткам и молодежи к функциям наказания, кроме поучительного примера для других, обеспечения безопасности и пресечения рецидива, должна быть добавлена еще одна: воспитательная и реабилитирующая. Эту функцию в европейских странах, например, выполняют альтернативные наказания, существующие в двух формах: учебной и трудовой [11].

Трудовые наказания создают условия для исполнения наказания в обычном социальном окружении. Учебные имеют форму тренинга или помощи, направленных на преодоление проблем в поведении. Добавим сюда процедуры примирения (медиации) и восстановительного правосудия [7].

Что же касается постпенитенциарного периода, то поскольку подавляющее большинство осужденных в несовершеннолетнем возрасте выходят на свободу уже после 18 лет, государство, на «законных» основаниях игнорируя их проблемы, создает эффект дополнительного наказания полной социальной депривацией. Но если объектом государственной молодежной политики являются лица от 14 до 30 лет, то возникает вопрос, почему нет ни одного государственного института, отвечающего за ресоциализацию судимых молодых людей, как это делается в других странах.

В нашей стране, к сожалению, нет именно системного подхода к решению проблем снижения молодежной криминализации.

Государство «разрешило» общественным организациям на средства международных фондов и муниципальных образований реализовывать в пенитенциарных учреждениях, судах, подразделениях МВД, учреждениях образования и соцзащиты экспериментальные проекты, построенные на заимствовании зарубежных моделей работы с судимыми подростками и молодежью. Направления этих проектных инициатив, отражающих приоритеты спонсирующих организаций, ориентированы на реализацию правозащитных стратегий, программ правового просвещения, социально-психологического сопровождения и социальной помощи осужденным, альтернативных мер наказания и др. Так, в рамках

проектов ПРООН в России, сначала в режиме эксперимента, а затем уже в составе государственных институтов на постоянной основе, была отработана и внедрена такая деталь французской модели ювенального суда, как наличие при ювенальном судье социального работника, сопровождающего подростков на досудебном этапе. В Чувашии в рамках проекта «Молодежь группы риска» внедряются элементы ювенальной юстиции по канадской модели [12].

Российские фонды НАН, ИНДЕМ, Центр содействия реформе уголовного правосудия, Центр «Судебно-правовая реформа» и другие давно и активно работают над тем, чтобы встроить в систему государственного реагирования на несовершеннолетнюю преступность наиболее эффективные институты реабилитирующего характера (восстановительное правосудие, служба пробации и т.п.), оформляя свои позиции в виде законодательных инициатив.

Но чаще всего проекты общественных организаций решают локальные задачи специфических клиентских групп: женщин с детьми, девочек, ВИЧ-инфицированных подростков, подростков без социальной поддержки, воспитанников какой-либо колонии и т.п. Или направляются на преодоление каких-либо частных проблем ресоциализации осужденных, например, расширение и поддержку социальных связей, обучение социальным навыкам, развитие тех или иных способностей, помощь в восстановлении документов или утраченного имущества, получение образования, организацию досуга в колониях, трудоустройство и т.п.

Так, например, при поддержке одной только Организации Penal Reform International («Международная тюремная реформа») за каких-то 7 лет было осуществлено более 50 таких проектов во всех регионах России. В том числе и два проекта автора настоящего исследования: «Социум-Ресурс» (www.penalprojects.ru). Но проекты заканчивают свою работу вместе с окончанием финансирования, а внедрению предложенных в проектном режиме технологий препятствуют многие объективные и субъективные факторы (отсутствие квалифицированных кадров в службах, ограниченность материальной базы, отсутствие доброй воли руководителей и многое другое).

В задачу данного исследования не входит подробный анализ подходов к проблеме ресоциализации судимой молодежи, так как это направление широко разрабатывается в социальных науках [10]. Мы представляем здесь опыт реализации психологических методов работы с личностью судимых молодых людей, направленных на развитие их индивидуальных способностей, позволяющих противостоять провокациям рецидива в условиях максимального ограничения социальных возможностей.

Опыт реализации ресурсных, позитивных концепций работы с личностью в местах лишения свободы и после освобождения.

Существует идеальная модель работы системы наказаний (а в декларируемой ныне концепции воспитательной системы), в результате пребывания в которой судимый молодой человек должен стать самостоятельным, не поддаваться слепо влиянию; умеющим постоять за себя без ущерба для других; ответст-

венным, принимающим обдуманное решение; способным прогнозировать результаты своих поступков; верящим в свои силы; умеющим обратиться за помощью; законопослушным не из страха наказания, а осознанно. Он должен уметь: планировать свои действия на ближайшую и долгосрочную перспективу; руководствоваться нравственными ориентирами и позитивными ценностями; распознавать свои чувства и адекватно социальным ожиданиям выражать их; привносить рефлексивные навыки в свое поведение [6. С. 11].

Понятно, что с такой задачей даже в первом приближении не в состоянии справиться по отдельности ни пенитенциарные учреждения, ни государственные институты, ни общественные организации. И даже объединив свои усилия, вырастить за решеткой свободную, самодостаточную, просоциально направленную личность невозможно. Кардинальную и устойчивую смену сформированных с самого раннего возраста криминальных установок личности большинства из тех, кто получил судимость за уголовные преступления в несовершеннолетнем возрасте, искусственные условия заключения обеспечить не в состоянии. Нормальное развитие возможно только в нормальной социальной среде, в процессе нормосообразной деятельности и в системе значимых позитивных межличностных отношений. И потому, когда речь идет о позитивных изменениях в поведении судимых подростков и молодежи, уместнее говорить не о воспитании или обучении колонистов нормативным образцам поведения, а об их реабилитации.

Термин *реабилитация* большинство специалистов, работающих в этой сфере, понимают как возврат необходимых возможностей и способностей к здоровой и полноценной жизни в обществе самой личности судимого молодого человека после вынесения решения суда и/или после его освобождения из мест лишения свободы. И если на возврат возможностей направлена преимущественно социальная работа с данной целевой группой, то на восстановление или, вернее, формирование способностей к нормальной жизни нацелено большинство программ работы с личностью.

Чаще всего, в основе этих программ лежит такой эффективный инструмент направленного психологического воздействия, как тренинг. По своей природе тренинг является особой психотехнологией, опосредствующим орудием, которое служит для овладения собственным поведением. Используя концептуальную схему А.Н. Леонтьева, тренинг можно обозначить как внешнее стимул-средство, а процесс тренинга — как процесс присвоения социокультурно сконструированных паттернов поведения [4].

Перестройка смысловых образований всегда опосредствована изменением деятельности: необходимо трансформировать саму деятельность, включить субъекта в новую систему деятельностей, чтобы воздействовать на его установки. Само по себе осознание смысловых установок не является достаточным условием для их реального изменения. Такое осознание может служить лишь первым этапом для их реального изменения [1. С. 536]. Следовательно, «перевоспитание» личности всегда идет через изменение деятельности. Глубинные из-

менения в принципе не могут осуществляться посредством воздействия чисто вербального характера. Хотя вербализация как процесс манипулирования с символами вполне может служить адекватной заменой ролевому проигрыванию. Но эффективность демонстрации реального поведения, конечно, намного выше, поскольку участник тренинга выходит из позиции пассивного наблюдателя и превращается в активного участника процесса. Эта форма обучения, получившая название «реципрокного обучения», предполагает активное манипулирование со своим поведением во внешнем плане, а затем интериоризацию усовершенствованных форм поведения внутрь. Основной задачей психологического тренинга является стимулирование действий субъекта, направленных на изменение собственного поведения.

Первым этапом на этом пути становится изменение смысловых установок личности. Субъективно изменение смысловых установок ощущается как расширение кругозора или осознание чего-то нового. Изменение установок служит первым толчком к овладению новыми инвариантами поведения. При этом «Я» выступает как самость, осознаваемая и осваиваемая, то есть объект собственного развивающего воздействия. Однако само по себе осознание необходимости изменения и выработка новых смысловых установок не является достаточным условием для реального изменения поведения. Такое осознание может служить лишь первым этапом к действительной трансформации. Подлинная трансформация становится очевидной тогда, когда измененные элементы поведения присвоены личностью и, следовательно, становятся произвольными и осознанными [4].

В воспитательных колониях широко применяются разные виды тренинга, выступающего как форма организации работы с личностью и наполняемого содержанием в зависимости от профессиональных пристрастий организаторов. Так, например, несомненный интерес представляют собой оригинальные авторские модели А.С. Новоселовой (педагогический аутотренинг), А.Л. Лихтарникова и Е.Н. Чеснокова (техника развивающего диалога).

Тренинг-марафон, направленный на актуализацию и формирование социально-психологических, личностных ресурсов, необходимых для успешной социальной адаптации освобождающихся из воспитательной колонии, был также ядром реабилитационной работы, которую мы проводили в рамках ресурсных проектов СарРОО «Социум» на базе воспитательных колоний Саратовской области.

Тренинг представляет собой 18 трехчасовых тематических блоков.

Полностью тренинг опубликован в журнале «Вестник практической психологии образования» в 5 номерах за 2007–2008 гг. Мотивация участия в тренинге была чаще всего продиктована желанием разнообразить свою жизнь за решеткой, пообщаться с внешними людьми (тренерами, студентами-волонтерами) и т.п., и только в очень малой степени желанием поработать над собой, измениться.

Теми же желаниями определялось и их участие в индивидуальных программах личностного роста. Это и неудивительно, ведь осужденные молодые люди относятся к категории клиентов, слабо мотивированных к изменениям

своих установок и деструктивных форм поведения. Тренинг способен создавать установки, т.е. готовность к заданному действию, отношению, мобилизуя собственные ресурсы личности. Но групповой характер и искусственность создаваемой ситуации накладывают ограничения на степень интериоризации полученных импульсов.

К сожалению, не существует надежного инструмента, способного измерить эффективность работы с воспитанниками в программах социально-психологического сопровождения. Мы можем лишь выявить связи между фактом и характером участия в этих программах с различными особенностями проявления объективных и субъективных факторов, сопровождающих процессы постпенитенциарной ресоциализации.

Обоснование необходимости создания института сопровождения процесса постпенитенциарной адаптации лиц, осужденных к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте.

Наивно было бы предполагать, что вернувшиеся из заключения молодые люди, даже получившие полный комплекс реабилитационных мероприятий, смогут одной только внутренней силой удерживаться от рецидива. Мотивацию к изменениям необходимо не только формировать, выращивать, питать внутренними ресурсами, но и подкреплять созданием соответствующих условий в неволе и на свободе.

В.Р. Шмидт, анализируя зарубежный опыт интеграции подростков в конфликте с законом, видит проблему российской концепции сопровождения выпускников колоний в том, что данная задача по преимуществу решается стихийно [10]. Кроме того, часто в колонию попадает подросток, а выходит совершеннолетний — и те службы, которые занимались им до 18 лет, перестают нести ответственность за содействие в решении проблем освободившегося. Отечественный опыт показывает, что сопровождение выпускников колоний пока не стало повсеместной и регулярной практикой. Тем не менее, сложилось несколько моделей осуществления этой задачи.

Шмидт В.Р. анализирует три типа моделей:

1) социальный патронат — ведение выпускника наставником (ментором), который может быть профессионалом (социальным работником) или добровольцем; 2) центр дневного (временного) пребывания — когда выпускник может некоторое время проживать и получать всю необходимую помощь или регулярно обращаться в некий центр и проводить там значительное время; 3) предварительная подготовка и последующее сопровождение на основе плановой работы.

Внутри каждой модели присутствуют разные варианты осуществления в зависимости от того, как реализуется модель — усилиями специалистов или волонтеров; при привлечении каких служб; в рамках каких иных направлений помощи подросткам и молодежи. Каждая модель действенна в определенных условиях — чтобы задача сопровождения выпускников была решена, важно выбрать несколько моделей и выстроить соотношение между ними. Ни одна из

моделей не претендует на то, чтобы решить все проблемы всех подростков. Во многих странах существует единая организационная форма, которая объединяет все модели сопровождения — это организация служб пробации.

Однако и внутри служб пробации вопрос о том, каким должно быть сочетание моделей, остается открытым.

Нужна ли России система служб пробации для решения вопроса о сопровождении выпускников колонии, или эта задача может быть решена иным организационным способом?

Возможно, одним из механизмов, замещающих службы пробации, станет проведение конкурсов на выполнение деятельности по сопровождению освобождающихся. Однако эта деятельность предполагает создание модели на основе оценки экономических затрат на такую деятельность и определения критериев действенности сопровождения выпускников колоний [10].

Интересен в этом плане опыт Германии, где ювенальная юстиция предстает как обобщение успешной практики. Права заключенных в Германии защищаются в соответствии с принципом социального государства. В первую очередь, это повлияло на официально принятое определение того, что есть реабилитация: «реабилитация не означает веру в то, что каждый заключенный после ее проведения исправится, но идея ре-социализации отражает базовый принцип социального государства — право каждого гражданина на базовые свободы и доступ к их обеспечению».

Лишение свободы для подростков, столь распространенное у нас, является самой крайней мерой и назначается только при очень высокой опасности и тяжести совершенного преступления либо в случае критического количества криминальных эпизодов или неэффективности альтернативных мер наказания.

В Германии существует дифференциация между центрами временной изоляции подростков в конфликте с законом и учреждениями временного проживания для подростков в трудной жизненной ситуации. Помещение в общий центр помощи оказывается более предпочтительной мерой пресечения, чем помещение в центр изоляции до судебного разбирательства.

В начале 80-х гг. была введена новая услуга для несовершеннолетних — социальные тренинги.

Тренинги группы решали сразу несколько задач: организация досуга проблемных подростков, решение повседневных проблем и доформировывание социальных навыков.

В рамках модели ювенальной юстиции широко применяются неформальные процедуры, такие как семейные конференции и круглые столы. В середине 80-х стартовал первый проект по медиации, а к началу 90-х по всей стране единовременно реализовывалось 368 проектов по медиации, т.к. это одно из наиболее перспективных направлений минимизации рестриктивной политики в отношении несовершеннолетних [10].

Германии пока удастся справиться с двумя такими вызовами как объединение Германии и постоянный приток мигрантов. С 1984 по 1997 г. возрастает до-

ля преступлений среди подростков — по преимуществу за счет мигрантов из стран Азии и бывших стран социалистического лагеря. В этот период 83% от всего роста всех преступлений было «обеспечено» мигрантами.

Сравнение эффективности ювенальной юстиции в ФРГ и на территории бывшей ГДР показало, что за 5 лет развития ювенальной юстиции земли ГДР обогнали ФРГ по ряду показателей, в первую очередь по эффективности применения альтернативных мер наказания [10. С. 98–105].

В нашей стране миссия профилактики рецидива возлагается в основном на органы внутренних дел, которые в силу своей специфики не обладают профессиональными и материальными ресурсами, необходимыми для решения этой проблемы. Тем более, что обеспечение условий для снижения рецидива требует комплексных подходов: социальных, правовых, политических. Общественные организации допускаются к такой работе, но их участие локально и не влияет по большому счету на ситуацию в целом.

Опираясь на опыт реализации авторских программ социально-психологического сопровождения процесса ресоциализации молодых осужденных, изучение опыта зарубежных стран, результаты данного диссертационного исследования, мы убеждены, что пора на государственном уровне осознать проблему как требующую незамедлительных мер на уровне социальной политики, а не переадресовывать ее решение только общественным организациям. Пора от бесконечного обсуждения программ профилактики рецидива перейти к созданию отсутствующего в России государственного института постпенитенциарного сопровождения, как это давно сделали все развитые страны. И конечно же необходимо сделать практику наказания за уголовные преступления несовершеннолетних более дифференцированной и вариативной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Асмолов А.Г.* Деятельность и установка. — М.: Изд-во МГУ, 1979.
- [2] *Асмолов А.Г., Ениколопов С.Н., Иванченко В.Н.* Установки личности и противоправное поведение. Вопросы психологии. — М., 1991.
- [3] *Брейтуэйт Д.* Преступление, стыд и воссоединение / Пер. с англ. Н.Д. Хариковой; Под общей ред. М.Г. Флямера; Комм. д. ю. н., профессора Я.И. Гилинского. — М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
- [4] *Зайцева Т.В.* Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие. — СПб.: Речь; М.: Смысл, 2002.
- [5] *Забрянский Г.И.* Социология преступности несовершеннолетних. — Минск, 1997.
- [6] *Лихтарников А.Л., Чеснокова Е.Н.* Социально-психологическая реабилитация осужденных подростков. — СПб., 2001.
- [7] *Максудов Р.* Юстиция для подростков // INDEX. Досье на цензуру. — 2002. — № 17.
- [8] *Чиркина Р.В.* Ресурсы профилактики преступного рецидива несовершеннолетних: работа с личностью за решеткой и на свободе // Программа социально-психологического тренинга для освобождающихся воспитанников ВК // Методическое пособие. РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия. — М., 2009.

- [9] Чиркина Р.В. Удержание несовершеннолетних от преступного рецидива: механизмы, мотивация, помощь: Монография. — М., 2012.
- [10] Шмидт В.Р. Интеграция подростков в конфликте с законом. Зарубежный опыт. — М., 2007.
- [11] Шульга Т.И., Спаниард Х., Слот В. Технологии оказания помощи подросткам с девиантным поведением. — Москва–Амстердам, 2004.
- [12] Ювенальные технологии. Информационный вестник. — 2007. — № 3–5 (11).
- [13] Walter M., Fischer W. Deliktsspezifische Selektionsprozesse bei der Strafverfolgung Jugendlicher im Ost-West-Vergleich / Neue Wege und Perspektiven der Kriminologie / Forschung am Institut für Kriminologie der Universität zu Köln. 2006.

DETENTION OF MINORS FROM REPEATED CRIMES

R.V. Chirkina

The Department of the Legal Psychology Faculty
Moscow State University of Psychology and Education

A.A. Galushkin

The Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

In this article social and psychological problems of resocialization and rehabilitation of persons condemned for criminal offenses at minor age are considered. The factors strengthening and reducing further criminalization of minors are analyzed. Statistical data of conditionally condemned teenager groups who subsequently appeared in jail are given. Various forms of socially focused and psychological work with teenagers who are in conflict with law and are at different stages of contact with law-enforcement organizations are analyzed. Experience of various non-governmental organizations on implementation of positive concepts of work with condemned in places of imprisonment and after release is presented. Basis of the analysis of Russian psychologist's works and achievements of juvenile system of Germany the justification of need for creation of institute of support of process of post-penitentiary adaptation of persons condemned to imprisonment at minor age is given.

Key words: resocialization, rehabilitation, minors in the conflict with law, installations, repeated crimes, recurrence, juvenile system, training, criminalization, a conditional measure of punishment, probation system, regenerative justice, post-penitentiary support, prevention, resource projects.